
Смоленское дворянство против правительства: из истории отмены крепостного права в России

Наталья Горская

Smolensk nobility against the Government: From the history of the abolition of serfdom in Russia

Natalia Gorskaya
(*Smolensk State University, Russia*)

DOI: 10.31857/S2949124X23010054, EDN: PCKND

На протяжении «долгого девятнадцатого века» российская монархия не раз сталкивалась с противодействием оппозиционно настроенных дворян. В период подготовки крестьянской реформы 1861 г., когда, как показала Л.Г. Захарова, правительственный курс постепенно менялся под влиянием разнообразных социальных, политических и личностных факторов¹, группа богатых и образованных землевладельцев, имевших широкие связи в правящих кругах, выступила со своей программой отмены крепостного права, включавшей требование создания сословного представительства с законосовещательными полномочиями².

Провинциальные помещики в массе своей также не сочувствовали тогда действиям властей. Хорошо известна борьба «либерального меньшинства» и «консервативного большинства» губернских комитетов, созданных для обсуждения условий освобождения крестьян³. В ней проявлялись как попытки отстоять свои хозяйственные и сословные интересы, вопреки давлению и диктату государства, так и сложившиеся представления о правах и отношениях монарха и дворянства, в основе которых лежало взаимное признание заслуг перед отечеством, исключавшее планы ограничения или захвата верховной власти.

В царствование Николая I после выборов предводителей губернские дворянские собрания по традиции просили императора принять их депутации «для изъявления благодарности». Обычно такие обращения отклонялись, но в начале 1847 г. министр внутренних дел Л.А. Перовский сообщил смолянам, что царь примет их представителей. Помня о преданности престолу, проявленной местным населением в 1812 г., Николай I не раз бывал в Смоленске и всячески

© 2023 г. Н.И. Горская

¹ Подробнее см.: *Захарова Л.Г.* Самодержавие и отмена крепостного права в России. 1856–1861. М., 1984; *Захарова Л.Г.* Самодержавие, бюрократия и реформы 60-х гг. годов XIX века в России // *Вопросы истории.* 1989. № 10. С. 3–24; *Захарова Л.Г.* Александр II и отмена крепостного права в России. М., 2011.

² *Долбилов М.Д.* Сословная программа дворянских «олигархов» в 1850-х – 1860-х годах // *Вопросы истории.* 2000. № 6. С. 32–52; *Христофоров И.А.* «Аристократическая оппозиция» Великим реформам (конец 1850-х – середина 1870-х гг.). М., 2002; *Кочукова А.В.* Либеральные бюрократы и дворянство в реформе 1861 года: взгляд современника // *Известия Саратовского университета. История. Международные отношения.* Т. 7. 2007. Вып. 1. С. 20–28.

³ *Орлов В.С.* Отмена крепостного права в Смоленской губернии. Смоленск, 1947; *Emmons T.* The Russian Landed gentry and the Peasant Emancipation of 1861. Cambridge, 1969; *Evtuhov C.* Portrait of a Russian Province: Economy, Society and Civilization in Nineteenth-Century Nizhnii Novgorod. Pittsburgh, 2011; *Блохин В.В.* Черты коллективного политического портрета помещиков Орловской губернии // *Вестник Санкт-Петербургского университета. История.* Т. 66. 2021. Вып. 3. С. 718–741.

демонстрировал особое расположение к городу и губернии⁴. Высоко оценив новый знак внимания с его стороны, уездные предводители дворянства направили в Петербург губернского предводителя полковника кн. М.В. Друцкого-Соколинского (отказавшегося от поездки из-за болезни), рославльского уездного предводителя полковника М.Л. Фантона-де-Веррайона и генерал-майора А.И. Шембеля⁵.

17 мая 1847 г., принимая их, Николай I не только сообщил о намерении возобновить строительство шоссе от Смоленска до Юхнова, которое из-за дороговизны и предчувствия крупных злоупотреблений прекратили десять лет назад⁶, но и коснулся более острых проблем. В частности, он заявил, что «крестьянин не может быть собственностью», и «как первый дворянин государства» просил обсудить «келейно», какие шаги требуются для постепенного перехода «от крепостной зависимости к обязанной»⁷.

Характерно, что говорилось это представителям одной из самых крепостнических и дворянских губерний, где помещичьи крестьяне составляли 69,7%, а дворяне — 5,8% жителей⁸. Впрочем, в то время уже готовилась инвентарная реформа в Западном крае, предусматривавшая дарование крестьянам личной свободы при сохранении «существующих наделов» и фиксации их повинностей перед помещиками⁹. Не случайно Перовский, беседуя с Фантоном-де-Веррайоном, напоминал о необходимости действовать «крайне осторожно», чтобы не возбудить преждевременных слухов¹⁰.

Когда делегация вернулась в Смоленск, дело взял в руки выздоровевший кн. Друцкой-Соколинский. Будучи противником каких-либо изменений в положении крестьян, он тем не менее, исполняя волю императора, провёл несколько совещаний: 8 января 1848 г. собрал в губернском центре 13 дворян, которым поручил выработать общее «мнение», а сам направился в Дорогобуж, где встретился с «настоящими и бывшими предводителями дворянства» Дорогобужского и Ельнинского уездов (причём, стараясь сохранить всё в тайне, беседовал с каждым из них «врозь»)¹¹.

Всё это вызвало слухи и волнения среди смоленских дворян. Единства не оказалось даже у тех, к кому обращался кн. Друцкой-Соколинский. 13 дворян составили «программу», предусматривавшую уничтожение права продавать, завещать, дарить и отдавать крестьян в услужение и т.п. Дорогобужский уездный предводитель Кононов, «не во всё» согласный с губернским предводителем, высказался за открытие комитета для обсуждения деталей предстоящей реформы и соглашался перевести своих крепостных в обязанных в том случае, если на них ляжет уплата части долга Московскому опекунскому совету. Но боль-

⁴ Кононов В.А. Смоленские губернаторы. 1711–1917. Смоленск, 2004. С. 211–212, 217–218.

⁵ Государственный архив Смоленской области (далее — ГА СО), ф. 6, оп. 1, д. 32, л. 2–2 об., 7; Семевский В.И. Крестьянский вопрос в России в XVIII и первой половине XIX века. Т. 2. СПб., 1888. С. 162.

⁶ Горская Н.И. Местная администрация и высочайшие путешествия 1830–1850-х гг. в Смоленской губернии // Российская история. 2020. № 1. С. 33.

⁷ Семевский В.И. Указ. соч. Т. 2. С. 163.

⁸ Будаев Д.И. Крестьянская реформа 1861 года в Смоленской губернии. Смоленск, 1967. С. 24, 25.

⁹ Захарова Л.Г. Александр II и отмена крепостного права... С. 86, 87; Дружинин Н.М. Государственные крестьяне и реформа П.Д. Киселёва. Т. 1. М., 1946. С. 298, 627.

¹⁰ Семевский В.И. Указ. соч. Т. 2. С. 161.

¹¹ Там же. С. 162–166.

ше всего кн. Друцкого-Соколинского возмутила позиция А.А. Вонлярлярского (брата известного писателя 1840-х гг. В.А. Вонлярлярского) — образованного помещика Смоленского уезда, применявшего в своём имении хозяйственные новшества и доказывавшего необходимость полного освобождения крестьян с землёй за выкуп. Изложенный им план опережал время и, по словам А.А. Корнилова, «в сущности, являлся прототипом проектов, составленных в конце пятидесятых годов передовыми представителями дворянства»¹². В мае 1848 г. кн. Друцкой-Соколинский собрал уездных предводителей и «предложил подписать лист» с перечнем общих пожеланий, однако Кононов отказался это сделать, сославшись на то, что дворянство уезда «не уполномочило его на это»¹³.

Между тем «полугласное» обсуждение положения крестьян вышло за пределы губернии. В 1847–1848 гг. смоляне обменивались мнениями с тверскими землевладельцами. В столицу же были направлены только предложения 13 дворян об облегчении крепостного состояния. В МВД, а затем и в Комитете министров их признали «неудовлетворительными». Известно также, что «один из смоленских помещиков» направил письмо о необходимости изменения отношений с крестьянами цесаревичу¹⁴.

Инициативы Кононова и Вонлярлярского кн. Друцкий-Соколинский заблокировал. В двух пространственных записках, адресованных царю, губернский предводитель утверждал, что «в России рабства нет», и доказывал необходимость сохранения существующих порядков. Князя беспокоила «незаконность» и неисполнимость каких-либо договоров между помещиками и крестьянами, неспособными, как ему казалось, по своему «нравственному и умственному состоянию» добросовестно работать, соблюдая условия заключённого соглашения. А это грозило гибелью не только помещицкому хозяйству, но и всему государству. Не случайно во второй записке кн. Друцкой-Соколинский рассуждал об опасности для России революции, которую в то время переживала Европа¹⁵. Эти записки обсуждались в верхах. Министр государственных имуществ гр. П.Д. Киселёв даже выступил с их опровержением¹⁶. 6 февраля 1849 г. князь присутствовал на приёме в Зимнем дворце, а на следующий день Николай I 35 минут беседовал с ним в своём кабинете. Впрочем, убедить монарха ему не удалось. Внешне одоблив столь консервативную позицию, император в доверительных разговорах называл предводителя «болтуном» и «до своей смерти не мог простить этого Друцкому»¹⁷.

Между тем в Смоленской губ. взгляды кн. Друцкого-Соколинского разделялись абсолютным большинством помещиков. Его успех успокоил противников эмансипации. Князь считал себя «спасителем Отечества» и, вернувшись

¹² Корнилов А.А. Очерки по истории общественного движения и крестьянского дела в России. СПб., 1905. С. 133–134.

¹³ Семевский В.И. Указ. соч. Т. 2. С. 135, 167–174.

¹⁴ Там же. С. 139, 168; Корнилов А.А. Указ. соч. Т. 2. С. 132; Будаев Д.И. Указ. соч. С. 63. В конце 1850-х гг. Фантон-де-Веррайон с сожалением писал: «Если бы записка, поднесённая по сему предмету на Высочайшее покойного государя императора имя в 1848 г., была составлена в другом духе, то крестьянский вопрос уже получил бы доселе полное разрешение, и время не было бы утрачено» (ГА СО, ф. 567, оп. 1, д. 37, л. 30 об.).

¹⁵ ГА СО, ф. 6, оп. 1, д. 35, л. 11 об.–39 об., 41–61, 63–64 об.

¹⁶ Семевский В.И. Указ. соч. Т. 2. С. 183.

¹⁷ Записки сенатора Я.А. Соловьёва о крестьянском деле // Русская старина. 1881. Т. XXX. С. 219–220.

в Смоленск, заказал в Успенском соборе благодарственный молебен (правда, половина уездных предводителей не успела на него приехать)¹⁸.

И всё же ряды сторонников отмены крепостного права постепенно росли¹⁹. Я.А. Соловьёв, руководивший в начале 1850-х гг. сбором статистических сведений для регламентации повинностей в государственной деревне в Смоленской, Владимирской и Самарской губерниях, писал, что «во всех губерниях была более или менее многочисленная прогрессивная партия, которая желала освобождения крестьян и составляла в разговоре предположения о способе освобождения задолго до обнародования правительственных мер»²⁰.

С начала 1858 г. подготовка реформы стала гласной: 8 декабря 1857 г. в губернии были разосланы рескрипт петербургскому генерал-губернатору П.Н. Игнатьеву и отношение к нему министра внутренних дел С.С. Ланского, а 11 и 18 января 1858 г. они появились в «Смоленских губернских ведомостях»²¹. В данных документах дворянам предлагалось «просить» о создании губернских комитетов, в которых их представители в течение шести месяцев разработали бы детальные проекты освобождения крепостных в губерниях. При этом предполагалось, что помещики сохранят право собственности на все свои имения и вотчинную власть над сельскими обществами, а крестьяне получают личную свободу и возможность постепенно выкупить находившиеся в их пользовании усадьбы — жилые и хозяйственные постройки с землёй и огороды (размеры этих участков и выкупа предстояло определить членам комитетов)²².

Первоначально обсуждение рескрипта происходило в уездных совещаниях. Привлекая местное дворянство к выбору членов губернских комитетов, столичные консерваторы, по словам Корнилова, полагали, что «сборища менее культурных провинциальных помещиков окажутся менее податливыми на либеральные проекты и замыслы правительства»²³. Однако деятельность этих совещаний, по-видимому, слабо документировалась, и о ней остались лишь самые скудные сведения²⁴. Но, судя по отзывам смолян, опубликованным в печати, и составленному редакционной комиссией губернского комитета «Своду предметов, обративших на себя внимание при уездных совещаниях», совершенно определённо выраженное в рескрипте желание царя освободить крестьян споров не вызвало²⁵.

Характерной особенностью Смоленской губ. являлось преобладание мелкопоместных владельцев. Из 5308 дворян, проживавших тогда на её территории, у 50% было не более 20 крестьян, у 34% — от 21 до 100 и только у 16% — свыше 100 душ (у 748 — от 101 до 500, 56 — от 501 до тысячи и 35 — более тысячи)²⁶. Кроме того, сказывалась относительная близость восточных уездов губернии

¹⁸ ГА СО, ф. 6, оп. 1, д. 35, л. 4 об.—11.

¹⁹ Корнилов А.А. Указ. соч. С. 135—136.

²⁰ Записки сенатора Я.А. Соловьёва... Т. XXXI. С. 7. В 1855 г. Соловьёв опубликовал «Сельскохозяйственную статистику Смоленской губернии», материалами которой пользовался К.Д. Кавелин для составления своей «Записки об освобождении крестьян в России».

²¹ Смоленские губернские ведомости. 1858. № 2. 11 января; № 3. 18 января.

²² Сборник правительственных распоряжений по устройству быта помещичьих крестьян, вышедших из крепостной зависимости (за 1857, 1858, 1859, 1860 годы). Т. 1. СПб., 1861. С. 4—6, 86—92.

²³ Корнилов А.А. Указ. соч. С. 198.

²⁴ Там же.

²⁵ ГА СО, ф. 567, оп. 1, д. 4, л. 3—5 об.

²⁶ Будаев Д.И. Указ. соч. С. 24—25.

(Гжатского, Сычѳвского, Юхновского, Вяземского и Бельского) к столицам, открывавшая возможность для отхода крестьян в Москву и Петербург на заработки. Дворяне стремились к увеличению размера выкупа и старались обеспечить имения (как барщинные, так и оброчные, где «крестьяне не дорожат землѳй») рабочей силой, постоянно или временно «до дозволения на выход». В Гжатском уезде были уверены в целесообразности перехода к договорным отношениям ещѳ до выкупа крестьянских усадеб²⁷.

В то же время решение земельного вопроса вызывало среди помещиков размежевание. Во всех уездах соглашались с передачей усадеб крестьянам, но в одних — в пользование, в других — в собственность. Дворяне Бельского, Рославльскаго и Юхновского уездов допускали даже выкуп части полевой земли. Так, рославльские помещики высказались за то, «чтобы крестьянин получил во владение землю усадебную, полевую и луговую с выгонами, где они есть»²⁸. Дорогобужское и духовщинское дворянство, напротив, «ни за какую цену» не желало «добровольно уступить крестьянам в собственность землю», надеясь удержать «исключительные права владения... землями, без перехода оных к лицам других сословий». Улучшение же деревенского быта они связывали не с дарованием личной свободы, а с уничтожением винного откупа²⁹.

Неопределѳнность будущих отношений с крестьянами особенно тяготила помещиков. В этих условиях их волновало состояние правопорядка, в частности конокрадство, корчемство и лесные порубки. Землевладельцы добивались высылки из губернии цыган и ужесточения уголовных наказаний³⁰. В некоторых уездах дворяне готовы были отказаться от вотчинной власти в «еѳ прежнем виде», поскольку в случае отмены крепостного права не могли гарантировать исполнение крестьянами государственных и земских повинностей. В Гжатске помещик П.Д. Неелов, имевший опыт управления крестьянами в крупном вотчинном имении кн. В.В. Долгорукова, разработал проект реформирования уездной и губернской администрации на основаниях выборности и всесословности³¹.

На уездных совещаниях местные помещики говорили также о доверии правительства к губернским комитетам, о взыскании с крестьян хлебных и денежных долгов, о пересмотре обязательств перед кредитными учреждениями, о положении дворовых, об обеспечении землѳй мелкопоместных дворян, об освобождении землевладельцев от ответственности за починку дорог и содержание хлебных магазинов, о необходимости «переоброчки» после истечения переходного периода. Обсуждение реформы вышло далеко за стены уездных совещаний. Только в губернский комитет поступило более 200 записок³². Их писали по просьбе дворянских предводителей и по собственной инициативе, направляли в местные канцелярии, в журналы и газеты. Иные брались за перо по нескольку раз. Все эти «мнения» передают тревожную атмосферу провинциальной жизни, наполненную острыми противоречиями, ожиданиями предстоящих преобразований и сожалениями о прошедшем.

²⁷ ГА СО, ф. 567, оп. 1, д. 6, л. 3 об., 6–7.

²⁸ Там же, д. 4, л. 3, 4.

²⁹ Там же, л. 3 об.

³⁰ Там же, л. 4 об.—5.

³¹ Там же, д. 6, л. 4 об., 10, 11.

³² Орлов В.С. Указ. соч. С. 61.

Две статьи в «Русском вестнике» образованного и имевшего связи в столичных кругах смоленского помещика Д.Д. Неелова свидетельствуют о его приверженности популярной в то время теории экономического либерализма. Он осуждал общинные порядки и круговую поруку, отстаивал принципы частной собственности на землю, экономической и личной свободы, в том числе и при заключении трудовых договоров³³. Ему возражал в «Журнале землевладельцев» помещик Бельского уезда В.И. Лыкошин, видевший в крестьянской общине и общественной запашке инструмент, необходимый для выживания крестьян в сложных условиях³⁴.

Большую активность проявлял землевладелец Смоленской, Харьковской и Екатерининской губерний В. Римский-Корсаков, предрекавший в случае отмены крепостного права расстройство помещичьего и крестьянского хозяйства, кредитных учреждений, фабричных и «скотоводных» заведений. Смоленских дворян он призывал «просить государя» оставить «за свободу» оброк и трёхдневную барщину, телесные наказания и мирскую запашку³⁵.

Владелец с. Максимково Рославльского уезда Фантон-де-Веррайон, ездивший к царю в 1847 г., в своей записке развивал взгляды, аналогичные идеям К.Д. Кавелина и Н.А. Милютина. По его словам, полумеры или освобождение крестьян без земли по «примеру балтийских губерний» неминуемо вызвали бы «тяжкие последствия». А для того, чтобы их избежать, крестьянина следовало не только освободить, но и «поставить его в безусловную независимость от землевладельца», наделив за денежный выкуп усадьбой, «огородами и прочими принадлежностями», а также «достаточным» количеством полевой земли. Общину при этом следовало сохранить, но только до немедленной и единовременной выплаты государством помещику выкупных платежей («посредством выдачи облигаций»)³⁶. В 1858 г. Фантон покинул губернию и больше не принимал участие в работе губернского комитета, что ослабило сторонников «прогрессивной партии» в его рядах.

В целом, предложения, звучавшие в уездах, создавали весьма пёструю картину: среди смолян были и более правые, чем Римский-Корсаков, считавшие, что «дисциплина есть первая необходимость содержания народных масс в порядке», и предлагавшие оставить всё по-старому (отставной генерал-майор Н. Дудинский)³⁷, и сторонники Фантона-де-Веррайона и Вонлярлярского, ратовавшие за наделение крестьян полевой землёй (вяземский помещик П.А. Миронов)³⁸. Как и повсюду, в губернии наметилось размежевание на «консерваторов» и «либералов». Некоторые помещики в своих рассуждениях выходили за рамки положений рескриптов. Однако многообразие и полярность мнений ещё не свидетельствовали о неразрешимости противоречий и невозможности поиска общих решений. Хотя именно активность дворянства и обилие проектов отодвигали начало работы губернского комитета.

---

³³ Неелов Д.Д. Что должно разуметь под рациональным сельским хозяйством? (По поводу статьи г. Арсеньева «О трудностях при введении рационального хозяйства в нашем отечестве») // Русский вестник. Т. 9. 1857. № 5. С. 93–140; Неелов Д.Д. О личном и общинном владении землёю // Русский вестник. Т. 16. 1858. № 7. С. 197–246.

³⁴ Журнал землевладельцев. 1858. № 3. С. 121–124.

³⁵ ГА СО, ф. 567, оп. 1, д. 9, л. 14–15.

³⁶ Там же, л. 30–41.

³⁷ Там же, л. 16–17 об.

³⁸ Там же, д. 15, л. 5–14.

Смоленская губерния ходатайствовала об открытии дворянского комитета одной из последних (позже это сделали только владимирские, калужские и оренбургские дворяне). Александр II подписал соответствующий рескрипт 28 мая³⁹, а 31 мая последовало отношение министра внутренних дел смоленскому губернатору⁴⁰. Однако помещики продолжали совещаться в уездах, неспешно выбирая депутатов, отвлекаясь на летние сельскохозяйственные работы и прислушиваясь к доходившим до них толкам о борьбе в верхах и смене правительственного курса⁴¹.

3 сентября 1858 г. в ходе поездки по десяти губерниям в Смоленск прибыл Александр II. На встречу с ним в губернаторский дом были приглашены и члены губернского комитета. Выступая перед ними, царь стремился сыграть на монархических чувствах (напомнил о героическом прошлом, об отношении к ним Николая I и т.п.), одновременно успокаивая подданных и заверяя их в том, что при проведении реформы учтёт сословные интересы. Тем не менее эта встреча резко отличалась от доверительных бесед его отца со смоленскими депутатами. Александр II ограничился общими фразами, посетил сельскохозяйственную выставку и ночью отбыл в Минск⁴². Торжественная встреча не обманула императора, понимавшего, что дворяне подчинятся его воле, но отнюдь не сочувствуют продвижению начатой им реформы. По выражению Корнилова, «не благоволил» к ней и Н.А. Ахвердов, с 1852 г. занимавший пост губернатора. В 1840-е гг. он состоял офицером для особых поручений при шефе жандармов гр. А.Ф. Орлове и, вероятно, ориентировался на позицию своего бывшего патрона, председательствовавшего в Главном комитете по крестьянскому делу⁴³. В начале 1859 г. во главе губернии его сменил генерал-майор Свиты А.П. Самсонов, окончивший Царскосельский лицей, с 1851 г. состоявший при вел. кн. Александре Николаевиче, а после его восшествия на престол выполнявший различные поручения монарха. Под его управлением Смоленск находился вплоть до лета 1861 г.⁴⁴

После отъезда царя 6 сентября 1858 г. Смоленский губернский комитет собрался на первое заседание. В него входили 27 человек — губернский предводитель, по два члена от уездов и два члена от правительства. Среди них насчитывалось 19 военных. Любопытно, что половина уездных предводителей не попала в состав комитета (в нём их оказалось только шесть). До утверждения 31 января 1859 г. Н.Е. Криштафовича в должности губернского предводителя работай комитетом руководил вице-президент — сычёвский уездный предводитель С.С. Иванов, передовой хозяин и председатель Смоленского общества сельского хозяйства, созданного накануне приезда императора⁴⁵. Членами от правительства стали рачительные и либеральные помещики Д.Д. Неелов и А.А. Вонлярлярский. Однако никто из членов комитета не

³⁹ Смоленские губернские ведомости. 1858. № 24. 14 июня.

⁴⁰ Сборник правительственных распоряжений по устройству быта помещичьих крестьян... Т. 1. С. 95.

⁴¹ Морозова Е.Н. Н.А. Милютин: замыслы и результаты (от полицейской реформы к созданию проектов эффективного местного управления). Саратов, 2019. С. 116–121.

⁴² Смоленские губернские ведомости. 1858. 1 ноября. № 44. Приложение.

⁴³ Корнилов А.А. Указ. соч. С. 203.

⁴⁴ Там же. С. 261, 276–279.

⁴⁵ Будаев Д.И., Левитин М.Н. Неизвестное об известных. Смоленск, 2003. С. 142–144.

обладал общероссийской известностью⁴⁶. Это были в полном смысле слова местные деятели.

Состав губернского комитета отражал структуру местного землевладения. У абсолютного большинства его членов было до 200 крестьян и только двое (И.П. Римский-Корсаков из Ельнинского уезда и И.Н. Чаславский — из Смоленского) имели более 500 душ⁴⁷. Характерно, что уездные совещания видели в губернном комитете выразителя своих интересов и мнений. 5 из 12 совещаний (Смоленского, Вяземского, Краснинского, Поречского и Сычѣвского уездов) прямо делегировали «учреждение будущего порядка усмотрению избранных ими членов в губернский комитет»⁴⁸. Другие составили проекты, которыми должны были руководствоваться их представители в Смоленске.

На первом заседании рассматривались преимущественно организационные вопросы. При этом сразу же выяснилось, что у губернской администрации нет «никаких сведений о помещичьих имениях»⁴⁹. В первой половине XIX в. проводилось полюбовное межевание земель, но в губернии из-за множества чересполосных имений его так и не завершили⁵⁰. В уездных совещаниях предлагалось «для развода дач употребить местных землемеров и свободных чинов Межевого корпуса» или передать определение ценности и количества земли губернному комитету⁵¹. 24 июля 1858 г. ельнинское дворянство решило создать в уезде оценочную комиссию с присоединением к ней большого числа землемеров, чтобы «составить предложение о дворянской собственности»⁵².

В стенах комитета затем ещё несколько раз возвращались к проблеме межевания и кадастра. Но это трудоёмкое дело могло замедлить подготовку реформы, поэтому Ланской дважды (20 марта и 31 октября 1858 г.) запрещал «касаться этого вопроса»⁵³. Смоленскому комитету пришлось обратиться к традиционному порядку сбора данных: помещики подавали сведения о своих владениях, а объединение их «в таблицу» поручалось членам от правительства⁵⁴. В результате, как отмечают исследователи, сведения, на которые опирались комитеты, по «большой части были неудовлетворительны»⁵⁵.

Смоленский губернский комитет работал над своими проектами с 1 ноября 1858 г. по 6 мая 1859 г., немного превысив шестимесячный срок, отведѣнный правительством для его деятельности. Он заседал по вторникам и четвергам с 11 до 3 часов пополудни. С марта 1859 г. обязательное чтение журналов предыдущего дня перенесли на среду и пятницу. Всего состоялось более 60 заседаний. До марта 1859 г. на них продолжалось чтение многочисленных записок, сопровождавшееся прениями, иногда по уже обсуждавшимся предметам. Затем члены комитета перешли к работе «по правительственной программе». По мере

---

⁴⁶ Сборник правительственных распоряжений по устройству быта помещичьих крестьян... Т. 1. С. 315–316.

⁴⁷ Орлов В.С. Указ. соч. С. 81.

⁴⁸ ГА СО, ф. 567, оп. 1, д. 4, л. 4 об.

⁴⁹ Там же, д. 9, л. 14–14 об., 37.

⁵⁰ Христофоров И.А. Судьба реформы: русское крестьянство в правительственной политике до и после отмены крепостного права (1830-е –1890-е гг.). М., 2011. С. 46; Рябков Г.Т. Смоленские помещичьи крестьяне в конце XVIII – первой половине XIX века. М., 1991. С. 34.

⁵¹ ГА СО, ф. 567, оп. 1, д. 9, л. 14–14 об., 37.

⁵² Там же, д. 37, л. 2 об.

⁵³ Там же, л. 5, 177.

⁵⁴ Там же, л. 1 об.

⁵⁵ Корнилов А.А. Указ. соч. С. 276; Христофоров И.А. Судьба реформы... С. 46–47, 131–132.

того как дело переходило в практическую плоскость, укреплялось единство дворян, защищавших интересы местных землевладельцев и всё сильнее дистанцировавшихся от тех государственных задач, которые формулировала и решала «прогрессивная бюрократия» Петербурга.

Среди членов комитета не было идейных крепостников. Практически сразу они единогласно и без дебатов проголосовали за предоставление крестьянам личной свободы⁵⁶. Тем не менее ещё долго ими велись споры о том, как понимать «улучшение быта крестьян» и «уничтожение крепостной зависимости», а также включать ли в состав усадебной оседлости только дом и хозяйственные постройки или же, помимо того, ещё и конопляник и огороды. Повод к таким дискуссиям давали сами тексты рескриптов и отношений министра внутренних дел⁵⁷.

Как и в уездных совещаниях, основные споры шли о выкупе, землепользовании и способах обеспечения владельцев рабочей силой. В рескриптах говорилось только о выкупе усадьбы. Но в смоленском комитете до начала 1859 г. обсуждали возможность выкупа как имущества, так и личности крестьянина. Разногласия же касались, прежде всего, того, следует ли их выкупать вместе или отдельно. При этом большинство недоумевало, «каким образом можно купить два предмета (и землю, и крестьян), заплативши за одно?»⁵⁸.

Представители восточных («оброчных») уездов настаивали на том, чтобы размер выкупа усадьбы учитывал «промысловые выгоды», т.е. доход, который приносили отходники. Представители барщинных уездов всячески завышали стоимости земли. Но если «выкуп земли» был вполне осязаемой величиной, то «выкуп личности» для одних означал цену свободы (Вонлярлярский), для других – доход, получаемый от оброка (П.Д. Неелов из Гжатского уезда), для третьих – обязательный труд (Д.Д. Неелов), для четвёртых – «все права на крестьян» (Иванов).

Со временем в Смоленске всё отчётливее проявилось недовольство петербургскими реформаторами и разочарование в действиях императора. «Хоть каждый из нас готов беспрекословно исполнить священную волю государя, но никто, верно, не изволит добровольного, непринуждённого согласия на безвозмездную уступку земли», – констатировал А.Г. Ковалёв из Юхновского уезда. А Н.В. Синявский из Смоленского уезда заявлял: «Пусть правительство откажет нам в выкупе личности, тогда, по крайней мере, мы будем знать, что личность от нас отходит безвозмездно»⁵⁹.

Из-за выкупа возник конфликт между «самыми влиятельными» лицами комитета: членом от правительства Нееловым и вице-президентом Ивановым, требовавшим «вознаграждения за все права на крестьянина, потому что после отмены крепостного права обязательный труд станет бессмысленным». Со своей стороны, Неелов, ссылаясь на рескрипт, допускал лишь выкуп усадьбы, напоминая, что «на переходный период сохранится обязательный труд», притязания же дворян должны лежать «не в праве личности, а в праве собственности»⁶⁰.

Все эти рассуждения дворян опирались на их собственный хозяйственный опыт. Различия же между отдельными поместьями были столь велики, что смоляне уже собирались писать особые проекты для каждого уезда. Однако 18 ок-

⁵⁶ ГА СО, ф. 567, оп. 1, д. 37, л. 87.

⁵⁷ Подробнее см.: *Захарова Л.Г.* Александр II и отмена крепостного права... С. 130–132.

⁵⁸ ГА СО, ф. 567, оп. 1, д. 37, л. 81.

⁵⁹ Там же, л. 50, 82–83.

⁶⁰ Там же, л. 79–79 об., 119 об., 122.

тября 1858 г. Главный комитет принял решение о составлении общего для всей России Положения⁶¹, что означало победу «средних величин».

В такой ситуации смоленский комитет высказался в пользу «высокого» выкупа, который помещикам платило бы правительство, поскольку крестьяне необходимыми для этого средствами не располагали и к тому же нередко сами были в долгах. Смоляне искали такой способ, который позволил бы им вернуть крестьянские долги и рассчитаться с государством.

Вследствие острого конфликта пришлось создать специальную комиссию для рассмотрения разногласий. 17 декабря 1858 г., после очередных дебатов, смоленский комитет принял прямо противоречившее рескрипту решение о выкупе личности крестьянина с вознаграждением от правительства (размеры усадеб оставались без изменений)⁶². До его уплаты сохранялись обязательные работы, затем уже заключались добровольные договоры. Большинство членов комитета желало, чтобы усадьбы передавались в пользование, а крестьяне могли отказываться от них, превращаясь в батраков. «Пролетариат необходим, — говорил кн. А.А. Голицын из Гжатского уезда, — без него мы не найдём работников для обработки земли»⁶³. За выкуп усадеб в собственность и свободные договорные отношения в деревне высказывалось меньшинство (в том числе братья Нееловы и А.А. Мего из Рославльского уезда).

Принятое 17 декабря решение, по-видимому, объяснялось тем, что в комитете заговорили депутаты «молчаливых» уездов, не присылавших ранее свои проекты. Обстановка гласности (в дебатах, хотя и без права решающего голоса, участвовали кандидаты в депутаты, а в зале заседаний присутствовала публика) обязывала его членов активно защищать сословные интересы. Между тем дворян всё больше беспокоила глубина и детали предстоящей реформы. А её очертания были ещё далеко не ясны, и для многих «выкуп личности» вовсе не означал полного отказа от предоставления земли.

Ранее, 27 ноября, комитет принял решение сохранить в пользовании крестьян существующий размер усадьбы. В тот же день был получен циркуляр, разосланный МВД 16 ноября и сообщавший о новых подходах к реформе, в соответствии с которым требовалось, «чтобы крестьянин немедленно почувствовал, что быт его улучшается; а дворяне, что интересы их учтены»⁶⁴. И комитетам следовало теперь указывать, в чём именно в их проектах выразится «улучшение быта»⁶⁵. Это заметно сказалось на положении в комитете членов от правительства: они уже не могли отстоять ни решения центра, ни свои собственные убеждения. В декабре им так и не удалось добиться от комитета ни согласия на выкуп усадьбы в собственность, ни конкретизации того, что считалось бы «улучшением быта крестьян»⁶⁶.

10 января 1859 г. Неелов подал прошение об увольнении от звания члена комитета от правительства по «непредвиденным домашним обстоятельствам»⁶⁷. Ахвердов сразу же принял его отставку и предложил занять его место

---

⁶¹ *Захарова Л.Г.* Александр II и отмена крепостного права... С. 191.

⁶² ГА СО, ф. 567, оп. 1, д. 37, л. 220, 229.

⁶³ Там же, л. 180.

⁶⁴ *Захарова Л.Г.* Александр II и отмена крепостного права... С. 187; ГА СО, ф. 567, оп. 1, д. 37, л. 180, 182.

⁶⁵ *Захарова Л.Г.* Александр II и отмена крепостного права... С. 191.

⁶⁶ ГА СО, ф. 567, оп. 1, д. 37, л. 180.

⁶⁷ Там же, л. 280.

кн. Друцкому-Соколинскому, но тот отказался, заявив: «Мне начала правительства не более известны, чем другим». Затем губернатор рассматривал кандидатуру краснинского исправника Михайловского, но уже 15 января обязанности члена от правительства согласился принять бельский помещик полковник Н.А. Апухтин⁶⁸. Так или иначе, уход Неелова предотвратил образование в смоленском комитете «меньшинства», как это происходило в других губерниях. Было решено считать недействительными все положения, противоречащие постановлению, принятым большинством голосов⁶⁹. К этому времени в нём уже председательствовал Криштафович, недавно утверждённый в должности губернского предводителя, а новый губернатор, исполняя последовавшее 22 января распоряжение Ланского, закрыл комитетские двери для посторонних лиц и 29 января ограничил литографирование материалов, касавшихся подготовки реформы⁷⁰.

16 февраля Главный комитет отверг попытку смолян включить в проект выкуп личности с вознаграждением от правительства и предложил объявить им выговор «за упорное невнимание к указанным началам». 22 февраля Александр II утвердил это мнение, и 5 марта собравшимся на заседание членам губернского комитета пришлось выслушать царский выговор, а затем отменить «все решения комитета о выкупе»⁷¹.

«Комплекс стыда» заставил местных «либералов» (А.А. Вонлярлярского, Н.В. Синаевского, А.А. Соловцова, П.Н. Энгельгардта) признать, что «нельзя ставить материальные выгоды выше понятия справедливости»⁷². Однако решение о наделении крестьян при освобождении полевой землёй, принятое Главным комитетом 4 декабря 1858 г., застало смолян врасплох. Поэтому редакционная комиссия губернского комитета сформулировала стоявшие перед ним вопросы предельно чётко и в полном соответствии с новой программой: «Предоставлять ли усадьбу и прочую землю в пользование; ...предоставлять ли усадьбу в продажу, а прочую землю в пользование; ...предоставлять ли крестьянам в продажу усадьбу и часть прочей земли?»⁷³. Вокруг этого и развернулась дальнейшая полемика, фактически парализовавшая заседания в феврале. Как отметил П.Д. Неелов, «остановка в работе нашего комитета происходит потому, что многие из членов до сих пор не убедились в необходимости предоставить крестьянам в постоянное пользование землю и в обязательной продаже усадеб»⁷⁴.

Только 3 марта 1859 г., «скрепя сердце», члены комитета согласились составить свой проект Положения «буквально по программе» и «не требовать ничего от освобождаемых крестьян, кроме платы за землю»⁷⁵. 19 марта они решили «не вносить словесных прений» в журналы, ограничившись изложением доводов в пользу принятых постановлений⁷⁶. К маю 1859 г. были подготовлены «Записка, показывающая, в чём будет состоять улучшение быта крестьян», «Обзор оснований, принятых смоленским комитетом при составлении проекта» и «Положение об улучшении быта помещичьих крестьян Смоленской

⁶⁸ Там же, л. 284, 330.

⁶⁹ Там же, ф. 598, оп.1, д. 459, л. 67.

⁷⁰ Там же, ф. 567, оп. 1, д. 17, л. 2, 3.

⁷¹ Там же, ф. 598, оп.1, д. 14, л. 2; д. 37, л. 54–54 об.

⁷² Там же, ф. 107, оп. 1, д. 65, л. 26.

⁷³ Там же, д. 37, л. 205.

⁷⁴ Там же, л. 510.

⁷⁵ Там же, д. 14, л. 2 об.

⁷⁶ Там же, л. 8 об.

губернии»⁷⁷. В этих документах смоленские дворяне признавали моральную и экономическую несправедливость крепостного права, но представляли его отмену как жертву своего сословия, свидетельствующую о готовности строить «взаимно-обязанные отношения» с крестьянами, значительно больше выигравшими от реформы⁷⁸. При этом «улучшение крестьянского быта» усматривалось даже в сохранении за помещиками лесных дач, поскольку их передача крестьянам «возвысила бы повинности» и привела бы к «скорому и безрасчётному выпутошению» лесов⁷⁹.

Немаловажно и то, что в Смоленске составили проект местного Положения только на переходный период и надеялись на переобработку и ликвидацию поземельной общины после его завершения. Круговую поруку в местном комитете считали «неизбежным», но временным злом и охотно предоставляли «право освобождаться от общинного владения тем крестьянам, которые видят в том пользу и имеют на это средства». Также в губернии допускалось сосуществование подворного и общинного владения землёй⁸⁰. На смолян явно влиял опыт хозяйствования в близких белорусско-литовских губерниях, где преобладала подворная форма собственности.

Созданный в комитете проект не включал положений о *бессрочности* пользования землёй и *неизменности* повинностей (их предполагалось пересматривать через десять лет), за что боролась «просвещённая бюрократия» во главе с Милютиным⁸¹. В нём говорилось про обеспечение крестьян землёй «преимущественно в размере прежнего надела», однако не свыше 4 десятин на душу, что предполагало в будущем отрезки, так как в 1850-е гг. в среднем на душу в губернии приходилось 5,3 десятины⁸².

Смоленское Положение также включало в себя детально разработанную программу преобразования сельского управления, основанную на принципах сословности и разделения административно-хозяйственных, полицейских и судебных функций. Она кардинальным образом отличалась от планов Редакционных комиссий, исходивших из того, что сословность оградит крестьян от давления со стороны помещиков. Но в губернском комитете именно во всесословности и видели рычаг сохранения власти землевладельцев.

Согласно смоленскому проекту, учреждалась всесословная волость во главе с волостным собранием и начальником из местных дворян, которая обладала бы большей хозяйственно-административной и полицейской властью, чем сословная волость, созданная после 19 февраля 1861 г. Смоляне, например, надеялись её правом распределения по селениям казённых повинностей, тогда как сельскому миру, на котором лежало их исполнение, доверялось только взывание недоимок⁸³. Впоследствии, после отмены крепостного права, раскладка всех податей и натуральных повинностей была возложена на сельский сход⁸⁴.

⁷⁷ Там же, д. 4, л. 6–14; д. 35, л. 1–23.

⁷⁸ Там же, д. 4, л. 13 об.–14.

⁷⁹ Там же, л. 7.

⁸⁰ Там же, л. 6 об.

⁸¹ Там же, л. 2 об., 6, 7. В вопросе неизменности повинностей либеральная бюрократия пойдёт на уступку и согласится на переобработку через 20 лет (*Захарова Л. Г.* Александр II и отмена крепостного права... С. 294–296).

⁸² *Будаев Д. И.* Указ. соч. С. 77.

⁸³ ГА СО, ф. 567, оп. 1, д. 35, л. 14–17.

⁸⁴ ПСЗ-II. Т. 36. Отд. 1. СПб., 1863. № 36657. Ст. 51.

Судебную власть комитет передавал корпорации волостных и уездных мировых судей из местных дворян. Ожидалось, что этот «словесный и безотлагательный» суд — аналог будущей мировой юстиции — ограничит произвол помещика и окажется милостивее к крестьянам. К примеру, он мог заменять телесное наказание (до 50 ударов розгами) общественными работами: один день, проведённый на них, шёл «в замену каждых пяти ударов»⁸⁵. В то же время смоленское Положение чётко регламентировало и ужесточало действия мировых судей и волостных приставов при рассмотрении дел о лесных порубках и порче лесов, о потравах полей и лугов, о конокрадстве и воровстве хлеба⁸⁶.

Добиваясь участия и председательства в волостных собраниях, а также должностей волостных попечителей и мировых судей, дворяне рассчитывали обеспечить себе контроль над местным управлением. В этом отношении смоленское Положение вполне соответствовало планам «аристократической оппозиции» и замыслам тверского, калужского и харьковского губернских комитетов, а также «меньшинства» владимирского и саратовского комитетов⁸⁷.

Решительное несогласие с видами правительства депутаты смолян В.П. Пенский и С.С. Иванов выразили и в феврале 1860 г., когда их вызвали, наряду с представителями других губернских комитетов, для ознакомления с проектами Редакционных комиссий. Оба подписали протест против упразднения вотчинной власти помещика, добивались сохранения за помещиками лесных дач и т.д. «Существующий надел» они признали лишь потому, что ожидали по истечении переходного периода «дарования права перехода крестьян и свободных договоров о земле»⁸⁸. Тем самым они играли роль не столько экспертов, каковыми их желали видеть в Петербурге, сколько делегатов, уполномоченных местными землевладельцами защищать их интересы. Таким образом, степень сословной консолидации смоленских дворян в конце 1850-х гг. была весьма велика, они проявили значительное упорство в отстаивании своих позиций наперекор властям, однако не имели ни возможностей, ни желания вступать с ними в открытый конфликт даже в ситуации, напрямую затрагивавшей и существенно менявшей их социальное и имущественное положение.

---

⁸⁵ ГА СО, ф. 567, оп. 1, д. 35, л. 15, 16, 18.

⁸⁶ Там же, л. 18, 19, 19 об.

⁸⁷ Корнилов А.А. Указ. соч. С. 268, 291.

⁸⁸ Скребицкий А.И. Крестьянское дело в царствование Александра II. Т. 2. М., 2011. С. 120, 121, 151, 162 и др.; Корнилов А.А. Указ. соч. С. 288; Будаев Д.И. Указ. соч. С. 78–79.